

первой стадии некоего исторического процесса в самой начальной фазе его опытов, которые в ближайшем будущем могут восприниматься нами все более осознанно и выглядеть не столь рискованными, как сейчас.

По крайней мере, на это позволяет надеяться медленное, но неуклонное пробуждение у людей все более искреннего и горячего интереса к тому, что происходит с ними и с окружающим их миром. Другой вопрос, что в разных обществах это происходит с разной скоростью, где Украина, как убеждаюсь собственными глазами, заметно опережает Россию.

Екатерина ЭЛБАКЯН (Москва, РОССИЯ)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Феномен российской интеллигенции. Вопрос об интеллигенции, ее особой роли в российской цивилизации является одним из наиболее сложных в отечественном обществоведении. Исторический анализ показывает, что с течением времени его значение переосмысливалось. Сам этот термин был введен литератором П.Боборыкиным в 60-е гг. прошлого века. Уже в тот период в определении интеллигенции намечаются два критерия: социально-экономический и социально-этический. Последний берет начало в подходах к интеллигенции народников П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского, исходящих из того, что интеллигент - критически мыслящая личность, то есть, по их мнению, личность, которая борется за определенные социально-этические идеалы. С социально-экономических позиций к анализу интеллигенции подходил Д.И.Писарев, определяющий ее как «мыслящий пролетариат». Данное определение стало особенно употребительным в эпоху распространения марксизма в России.

В России начала второго тысячелетия дискуссии о месте и роли интеллигенции стали столь многочисленны, что трудно перечислить весь спектр оценок и мнений по данному вопросу. В целом их можно свести к двум основным подходам:

а) Интеллигенция - это духовно-нравственная элита общества, отличающаяся как от правящей чиновничьей бюрократии, так и от широкой массы специалистов-профессионалов. При данном подходе социальный статус интеллигенции в достаточной степени размыт, учитывается, в первую очередь, социально-этический критерий.

б) Интеллигенция - массовая социально-профессиональная группа (прослойка) общества, имеющая определенный и четкий социальный статус. Подобный взгляд на интеллигенцию традиционен и в целом остается в рамках марксистской парадигмы, когда во главу угла ставится социально-экономический критерий. Он был господствующим в советский период, когда место и роль интеллигенции в обществе оценивались, в первую очередь, исходя из ее особых функций в общественном производстве. Этот подход к интеллигенции требует ее определения с точки зрения лишь социальной структуры общества как группы людей, занятых преимущественно умственным трудом. Не умаляя важности такого взгляда на проблему, все же хочется дополнить его, вводя критерий нравственно-этических позиций и характеристик личности при отнесении ее к социальной группе интеллигенции.

Для объективной характеристики интеллигенции одного лишь рассмотрения ее внешних функций - участие в духовном производстве, создании, распространении и хранении духовных продуктов и т.п. - не достаточно. Необходимо обратиться к внутренним свойствам этой социальной группы, описывающим ее нравственный облик, определенные этико-психологические черты, свойственные интеллигенции и отличающие ее от других социальных групп.

Подводя итог рассмотрению различных воззрений на интеллигенцию можно дать следующее определение интеллигенции. *Интеллигенция - социальная группа, отличающаяся занятием умственным трудом, высоким образовательным уровнем и творческим характером своей деятельности, проявляющимся в привнесении личностно-индивидуального начала в эту деятельность, производящая, сохраняющая и несущая в другие социальные группы общечеловеческие ценности и достижения мировой культуры, а также характеризующаяся специфическими психологическими чертами и позитивными нравственно-этическими качествами.* Последнее можно назвать интеллигентностью.

Консерваторы и либералы: между рации и сверхрацио. *Различным группам российской интеллигенции присущ широкий спектр зачастую противоположных мнений по тем или иным вопросам социального бытия. И, конечно же, одно из важнейших мест в представлениях российской интеллигенции занимает религия. Условное разделение на консерваторов и либералов⁴⁵, предпринятое в этой статье, лишь подчеркивает существование различных мировоззренческих ориентаций. Если для либералов характерно восприятие мира в горизонтальном срезе (темпоральный аспект): прошлое – настоящее – будущее, прогресс, основанный на эволюции рации, науки, то для консерваторов основным является вертикальное измерение: вечное – временное⁴⁶. Если либерально ориентированной интеллигенции свойственно противопоставление: рациональное-иррациональное, то в сознании другой (консервативной) группы такого рода противопоставление строится по оси: рациональное - сверхрациональное⁴⁷. Если либералы оценивают тот или иной социальный феномен с точки зрения категорий «старое» - «новое», то консерваторы, исходя из понятий «исконное» - «иное» («чуждое»). «Перед новым либерализмом и новым консерватизмом стоят нелегкие задачи. Новому русскому либерализму предстоит оторваться от материнской груди антикоммунизма.*

Перед русским консерватизмом стоят не менее сложные задачи. Имея за спиной очень слабую и двойственную традицию консервативной мысли в XIX - начале XX веков, с одной стороны, и сталинизм, с другой, крайне сложно обосновать заново этику государства, присяги, общественных обязательств, моральных ценностей... Сложность в том, что русский консерватизм не может обойти стороной православие⁴⁸. Вместе с тем, «политический консерватизм как жизненная философия подразумевает легитимность политических ценностей исключительно в религиозном контексте»⁴⁹.

К условным консерваторам может быть отнесена церковная и околоцерковная группы российской интеллигенции, к условным либералам – внецерковная (мировоззрение многих ее представителей находится в русле неправославных христианских и нехристианских религиозных воззрений) и внерелигиозная группы.

Квинтэссенция мировоззренческих ориентаций первой группы выражена в следующем подходе: «Образ новой России нельзя представить без Церкви – хранильницы духовных ценностей народа, его истории, нравственных идеалов. Церковь

⁴⁵ «Русскому обществу послеельцинской эпохи предстоит самоопределяться по обычной европейской оси: либералы – консерваторы» (Морозов А. «Новый курс» и Московская патриархия//НГ-религии. – 2000. – 9 августа).

⁴⁶ «Пространство страны сужается, произошел не горизонтальный, как раньше, а вертикальный раскол всего общества и это значит, что за 1992-1998 годы заложен новый «старорусский конфликт» между властью, беспочвенной интеллигенцией и «новыми русскими», с одной стороны, и русской почвенной интеллигенцией с возрождающимся в Православии народом.

Это новое противостояние можно обозначить как противостояние России Православной и России-Америки (Г.Федотов)» (Петров В. Найдет ли Россия дорогу к Храму?//Москва. – 1998. - № 10. – С.153).

⁴⁷ «...Католицизм опирается на чувственный прежде всего комплекс своего адепта – южанина, протестантизм построен на «рацио» северянина, а Православие зиждется на восточном ... сердечном порыве к Богу» (Семочкин А. Право на жизнь//Москва. – 2000. - № 9. – С.137).

⁴⁸ Морозов А. «Новый курс» и Московская Патриархия//НГ-религии. – 2000. – 9 августа.

⁴⁹ Там же.

была и остается той константой, которая удерживала и сохраняла Русь»⁵⁰. Более того, по мнению православно ориентированных представителей консервативной группы интеллигенции, «...можно без преувеличения отметить, что наиболее крупные достижения отечественной культуры в различных областях связаны именно с воцерковленными представителями интеллигенции»⁵¹. Высказывается уверенность в том, что «на исходе XX века Русская Православная Церковь может опереться на самую образованную часть русского народа, на все талантливое, мыслящее, искреннее, на подлинную русскую интеллигенцию»⁵². Вместе с тем, консервативная группа интеллигенции весьма негативно оценивает свою социальную страту в целом именно из-за духовной «беспочвенности». «Утратив почву под ногами, сделавшись под напористым ветром перемен духовным флюгером, интеллигенция утратила и свою общественную весомость. Скопом метнувшись к горизонтам, она выявила опять таки свою озабоченность некими прельщающими абстракциями вроде «нашей юной демократии»⁵³. Еще жестче духовные искания современной российской интеллигенции оцениваются А.Серегиным, рассматривающим их в качестве «интеллектуальной моды – вроде той, что в 1980-х годах охватила околофилософскую публику, в массовом порядке перекрестившуюся из марксизма-ленинизма в бланшизм-делезизм»⁵⁴. По мнению С.Кара-Мурзы, «официальная Церковь и интеллигенция в царской России, как и «орден меченосцев» и интеллигенция в СССР, не справились с возможным на них бременем идеократии. Не смогли охранить скрепляющую общество этику. Но ведь ... закрыть глаза на реальность и взять как идеал «западное» разделение властей – значит просто отдать главную власть Сатане...»⁵⁵.

Рассматривая возможные формы государственной власти в России, представители консервативного крыла современной российской интеллигенции рассуждают следующим образом: «Нужно заметить, что три составляющие государственности, оставаясь обособленными, должны тем не менее проникать друг в друга своими полями, сцепляясь в единое. Монархия должна быть православной (иначе – Сталин) и народной (иначе – Петр III), а Православие – монархическим (иначе это масонская ложа)»⁵⁶. Исходя из этого, автор подразумевает «Христов закон фундаментом всех законов государственных и региональных, с отданием должного ценностям ислама или буддизма лишь в духовной сфере того народа, который исповедует ислам или буддизм»⁵⁷. Однако известно, что ценности, например, ислама не могут существовать лишь в «духовной сфере», ибо в мире ислама сакральное и профанное настолько тесно сплетены как на бытовом, так и на государственном уровнях, что никогда не смогут быть разорваны в угоду весьма недемократичным принципам, выдвигаемым частью консервативной российской интеллигенции. И потом, как же быть с другими религиями, такими как протестантизм, католицизм, не говоря уже о новых религиозных движениях, так же легитимных, а следовательно, имеющих право на существование?

Не останавливаются консерваторы и перед прямым осуждением либералов: «Если в русском нигилизме прошлого столетия был страстный лжерелигиозный порыв духа, была трагедия Вавилонской башни, строящейся без Бога, то в современном русском либерально-монетаристском прагматизме осталась лишь банальная жажда наживы, примитивная страсть к золотому тельцу»⁵⁸.

⁵⁰ Львов Д. Образ новой России: истоки формирования//Вопр. философии. – 1998. - № 4. – С.12.

⁵¹ Варава В Духовное самоопределение русской интеллигенции//Москва. – 2000. - № 10. – С.93.

⁵² Стрелкова И. Русская школа и русская вера//Москва. – 2000. - № 9. – С.128.

⁵³ Бурыкин А. Интеллигенция «Садового кольца»//Москва. – 1998. - № 1. – С.141-142.

⁵⁴ Серегин А. Владимир Соловьев и «Новое религиозное сознание»// Новый мир. – 2001. - № 2. – С.141.

⁵⁵ Кара-Мурза С. Проект будущего и критика советского строя//Наш современник. – 1998. - № 3. – С. 156.

⁵⁶ Семочкин А. Право на жизнь//Москва. – 2000. - № 9. – С.138.

⁵⁷ Там же. – С.140.

⁵⁸ Василенко И. Проект великого инквизитора в либеральной России//Москва. – 1999. - № 7. – С.157.

Проблемы патриотизма консервативная группа российской интеллигенции напрямую связывает с Русской Православной Церковью. «Неистребимый ген патриотизма и добротолубия всегда обеспечивал нашей Церкви громадную, постоянно растущую поддержку общества. Так было в годы войны. Такой поворот к Православию происходит и сегодня, на наших глазах, в наших сердцах»⁵⁹. Рассуждая о месте и роли религии в современном обществе, консерваторы достаточно четко очерчивают свою позицию: «Для того, чтобы вернуть моральным критериям должный статус в современной культуре, предстоит возродить в новых формах и с новой убедительностью религиозную картину мира, оправдывающую отказ от притязаний на немедленный успех, от прямой связи между поступком и вознаграждением (что предполагается рационалистическими предположениями об эффективности)»⁶⁰.

Существенным социально-психологическим моментом, позволяющим понять интерес консервативно ориентированной части интеллигенции к религии, прежде всего к православию, является рост ее национального самосознания. Эта группа интеллигенции, находящаяся на почвенно-патриотических позициях и сделавшая ставку на православие как основу общественной морали, подлинной духовности, как культурную ценность и национальное достояние русского народа, искренне верит в возможности православной церкви способствовать социальному, духовному и государственному возрождению России. Считая, что основой национального самосознания русского народа и его государственности является православие, представители этой группы интеллигенции убеждены в том, что именно утрата православной веры наряду со свержением царского самодержавия привели к потере русским народом истинной духовности и государственности. Выход из сложившейся ситуации они видят в возврате к православию и монархии (очевидна установка сознания на прошлое). Как верно указывает один из современных авторов, «славянофилы не сумели стать силой, которая могла бы перейти от любования прошлым к формированию позитивного национального идеала, направленного в будущее»⁶¹.

Тесно увязывая православие с русским национальным самосознанием, консервативно ориентированная группа российской интеллигенции, по существу, создает новые разновидности социальной мифологии. Рост национального самосознания в современной России тесно связан с активизацией этнической исторической памяти и возникновением новой национальной мифологии, с латентными процессами трансформации религиозных социальных мифов в секулярные и секулярных социальных мифомоделей в религиозные и квазирелигиозные.

Рассматривая религиозность в качестве национальной черты русского народа, эта группа интеллигенции полагает, что понятие русского народа нельзя свести к современным понятиям «этнос» или «нация», ибо русские воспринимают свою этническую принадлежность как религиозный фактор напрямую, минуя промежуточные инстанции, например, государственность. Вместе с тем, известно, что формирование русского этноса началось задолго до введения христианства, а на становление национально-этнического сознания вообще влияет целый ряд факторов. Конечно, религиозный является очень важным среди них, но не единственным. Более того, связывая истинный патриотизм с православным самосознанием, сторонники этих воззрений лишают патриотических взглядов старообрядцев, протестантов, мусульман и представителей других конфессий, издавна существующих в России, а также представителей лагеря свободомыслящих, неоднократно доказывающих свой патриотизм. Вместе с тем, еще в начале века многие представители российской либеральной интеллигенции неоднократно обращали внимание на недопустимость отождествления национальной и религиозной

⁵⁹ Гусев Г. Величие и несломленность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны//Наш современник. – 2000. - № 5. – С.215.

⁶⁰ Панарин А. Перспективы возрождения «третьего Рима»//Москва. – 1999. - № 4. – С. 153.

⁶¹ Афонский Л. Интеллигенция и государство//Москва. – 1998. - № 2. – С.149.

принадлежности. Думается, подобный подход является весьма актуальным и конструктивным в наши дни, когда межэтническая и конфессиональная напряженность, кажется, достигла своего апогея и развивающиеся на ее основе конфликты и противоречия чреваты глубокими последствиями. Терпимое отношение к различным религиям, этносам, нациям, народностям, населяющим современную Россию – единственный путь к постепенной стабилизации социально-политической ситуации в стране и ее последующему развитию и процветанию. А ведь именно этого и желают представители консервативной группы интеллигенции.

Идея религиозно-соборного мировоззрения сегодня широко пропагандируется этой группой интеллигенции, причем в ее первоначальном, раннеславянофильском варианте, провозглашающем незыблемость триады **Самодержавие-Православие-Народность**. При этом подчеркивается мессианская роль православия и русского народа. По мнению лидера КПРФ Г.Зюганова, « в народном сознании необходимо утвердить четыре основы современной «русской идеи»: ...державность...; ...коллективизм...; ...справедливость...; ...духовность...»⁶².

Однако, рассуждая о российской идентичности и «особом пути» России, далеко не все авторы связывают это напрямую с православием. По мнению А.Панарина, «...вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом»⁶³. Подчеркивая цивилизационную специфику России, ее отличие как от западного, так и от восточного типа цивилизаций, А.Вельцов пишет: «Русские – онтологический бунт против Бога. Это не что-то промежуточное между Западом и Востоком. Это самостоятельное третье. Это нечто вне западного ratio и восточного трудолюбия... У России свой путь не потому, что мы православные или кто-то там еще. Это лишь одна из возможных идентификаций. Свой путь – это коррекция чистого ratio и коррекция чистой метафизики Востока. Прав лишь Бог. Но мы не узнаем его правды. И все же хотим его правды. На меньшее мы не согласны»⁶⁴. «Драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной»⁶⁵. По мнению Н.Моисеева, «...мы – европейцы, но всегда были альтернативой Западной Европе. И иначе и быть не могло! У нас не могла развернуться этика протестантизма и западный индивидуализм. С ними мы просто не выжили бы в наших климатических условиях. И сейчас не выживем! Коллективизм или, как мы говорим, соборность, был необходим. Как и многое другое, что отличает русского человека от западного европейца»⁶⁶.

В отличие от консерваторов, представители либерально ориентированной группы современной российской интеллигенции выступают за дальнейшее укрепление и развитие в России западных норм и ценностей, освящаемых западными разновидностями христианства, или вообще секулярных, западной модели общественного развития, образа жизни и т.п. Так, по мнению Н. Шмелева, «интеллигенция в России кровно заинтересована в том, чтобы движение страны к демократии рынку и гражданскому обществу продолжалось, чтобы не было никакого, даже временного,

⁶² Зюганов Г. Русь грядущая//Наш современник. – 1999. - № 1. – С.161.

⁶³ Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире//Москва. – 2001. - № 3. – С.128.

⁶⁴ Вельцов А. Русский формат в конце века//Октябрь. – 1999. – № 1. – С.158.

⁶⁵ Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. – С.129.

⁶⁶ Моисеев Н. Вехи – 2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века//Дружба народов. – 1999. - № 3. – С.152.

отката назад»⁶⁷. Ясно, что известный публицист отражает точку зрения либералов, непонятно только, почему он приписывает ее всей российской интеллигенции.

Рассуждая о патриотизме, представители либеральной группы российской интеллигенции заявляют, что «патриотическое воспитание, так сказать – патриотизм, которым страдают многие наши сограждане, можно понять. И даже простить... (Выделено мною. – Авт.)»⁶⁸. Говоря о религии, либералы имеют в виду не православие, а христианство вообще: «Антихрист, выступающий против наднациональной религии христианства, естественно оказывается националистом...»⁶⁹. Более того, даже некоторые представители церковной интеллигенции оценивают славянофильский опыт патриотизма весьма критически. Например, священник Александр Шрамко так высказывается относительно абсолютизируемого консерваторами прошлого России, и в частности, православия: «Вглядываясь в прошлое, нельзя не признать, что та Россия, «которую мы потеряли», была потеряна по причине нездорового идейного состояния общества. Идеология, кратко выраженная формулой «самодержавие, православие, народность», дала сокрушительную трещину, а самые мощные удары революции пришлись как раз на эти три составляющие»⁷⁰. «В российской истории уже был печальный опыт ... национально-религиозного и государственного интегризма, выраженный в формуле министра народного просвещения С.С.Уварова (1838-1849) «православие, самодержавие, народность». Это обстоятельство следовало как-то осмыслить, а не просто декларировать как идеал предполагаемого единства», - считает игумен Вениамин (Новик)⁷¹. И даже критика в адрес реальной российской демократии («Российская демократия, де-факто являя собой безразмерную форму организации общественных дискуссий, сегодня явно не способна к активным действиям. Она как бы застыла в неподвижности, ожидании надежды на будущее...»⁷²) принципиально не влияет на позиции либералов, выступающих за дальнейшее развитие в стране рыночных реформ и освящающих их духовных ценностей.

Таким образом, либералы ориентированы, хотя и антиправославно, но не антирелигиозно. Как отмечает Пьер Мане, «либерализм – это сложный феномен: его принципы восходят к религиозным истокам, а ход развития и непосредственные цели антирелигиозны»⁷³. Так или иначе, но три момента характеризуют мировосприятие либеральной интеллигенции: идея прогресса, принципы демократии и рационализм. Вместе с тем, либералы полагают, что эти моменты не противоречат основным принципам христианства. «Так, идея о восходящем развитии человечества сопутствует в христианстве идее Боговоплощения, а конечной целью прогресса является соединение человека с Богом. ... В своем оптимистическом настрое на самосовершенствование человека гуманистический либерализм смыкается с христианством...

Свобода и демократия как основополагающие принципы также глубоко укоренены в христианстве. Они проистекают из представления о человеке как образе и подобии Божьем, что придает человеку неотъемлемое достоинство, а поэтому все люди становятся полноправными членами общества. Свобода есть краеугольный камень

⁶⁷ Шмелев Н. Интеллигенция и реформы//Знамя. – 1998. - № 2. – С.186.

⁶⁸ Чулаки М. Патриот и патриотизм или чти одиннадцать заповедей//Звезда. – 1998. - № 2. – С.172.

⁶⁹ Кантор В. Антихрист или вражда к Европе: становление тоталитаризма//Октябрь. – 2001. - № 1. – С.127.

⁷⁰ Шрамко Александр, священник. Вера или идеология // Церковь: шаг в новый век. – М., 2000. – С.11.

⁷¹ Вениамин (Новик), игумен. Об «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»//Церковь: шаг в новый век. – М., 2000. – С.71

⁷² Соловьев А. Византийский стиль. Культура власти российской элиты. // Дружба народов. – 2000. - № 7. – С.163.

⁷³ Цит. по: Симонов Ю. Либерализм и христианство. // Новый мир. – 1999. - № 2. – С.142.

христианства, каждый человек имеет свободу выбора, ибо без свободы не может быть любви»⁷⁴.

Итак, современной российской интеллигенции присущи многообразные и амбивалентные оценки религии и, в частности, русского православия как самой крупной российской конфессии. Условное разделение интеллигенции на две группы – консерваторов и либералов – дало возможность выявить существенные расхождения и отдельные точки соприкосновения в мировоззренческих ориентациях этих групп интеллигенции.

«Саморазорванность» бытия в мире: миф или реальность?

Как уже отмечалось, представители современной российской интеллигенции заняты, по существу, разработкой различных социальных мифомоделей, создавая новые разновидности социальной мифологии. Это объясняется тем, что российской интеллигенции во многом присуще «детское» мировосприятие. «В своей чистой мечтательной сущности это философия детей, еще не познавших чувственных глубин человеческой жизни. Беды и разочарования начинались уровнем выше детского сознания»⁷⁵. И именно «детскому» сознанию в наибольшей мере присущи попытки создания мифа со счастливым концом, вера в него и стремление к осуществлению социального чуда. Последнее «есть во многом следствие доминирования в интеллигентской среде философского рационализма»⁷⁶. Таким образом оказывается, что ожидание чуда сопряжено с неверием в него, саморазорванность, противоречивость интеллигентского бытия рождает «расколотое» интеллигентское сознание. В этом кроется одно из противоречий российского интеллигентского сознания прошлого («Не случайно все то, что мы сегодня считаем русским – а фактически русский миф, – создано в период до 1917 года»⁷⁷). Не избежала его и современная российская интеллигенция. Древние пласты этого мифа составляют представления о загадочной русской душе, парадоксальной по своей сути, возникшие еще в Древней Руси. Они отражают проблемы ценностного выбора (богатырь перед камнем с надписью о трех возможных путях и т.п.), эсхатологической перспективы (близость конца света и подвиг мифологического героя, спасающего народ и т.п.). Кстати, и политическая мифология российских реформ опирается на архетипический миф о чудесном спасении. Правда, «сегодня в истаявший миф сама бюрократия отказывается верить, но по старой привычке пытается всучить его обществу»⁷⁸. Более поздний мифологический пласт возник в петровские времена и сводился к представлениям о добром царь-батюшке. Именно на этом мифе базируется уже упоминаемая уваровская триада «Самодержавие-Православие-Народность», горячо поддерживаемая славянофилами и отражающая представления о неразделимости церкви и государства.

В советский период формируется новый мир, героем которого выступает обычный («простой») человек, не наделенный сверхъестественными качествами, а ставший героем исключительно благодаря своим морально-психологическим качествам («Человек – это звучит гордо» и т.п.). При этом Бог становится ненужным («...Человек шагает как хозяин необъятной Родины своей» и т.п.). Сегодня интеллигенцией в России создаются новые мифы, важное место среди которых занимают «Русская идея» (консерваторы) и идеализированный Запад (либералы). «Коллективное бессознательное, пульсирующее в каждом вздохе толпы, ищет воплощения в идеале или вере, в образе, который позволяет восстановить целостную картину мира, подорванную эпохой перемен. ... Научная мысль, традиция становятся лишь периферией мнений.

⁷⁴ Симонов Ю. Либерализм и христианство. // Новый мир. – 1999. - № 2. – С.142.

⁷⁵ Козлов Б. Иметь или быть//Москва. – 2000. - № 9. – С.150.

⁷⁶ Мау В. Интеллигенция, история и революция//Новый мир. – 2000. - № 5. – С.142.

⁷⁷ Гордеев К. Русь – Россия: идея, миф, вера// Москва. – 1998. - № 8. – С.153.

⁷⁸ Савельев А. Политическая мифология и политическая технология//Москва. – 1998. - № 8. – С.163.

Политики заменяются политиками-журналистами, философы – философами-журналистами и т.д.»⁷⁹.

В наблюдаемом сегодня противостоянии либерального (прозападного) и консервативного (национального) мифов очевидно намечается крен в сторону последнего. В качестве примера можно привести «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», которые, по существу, являются примером и разновидностью социального мифа. Как верно замечает А.Савельев, «политика основана не только на глубоко проработанных интеллектуальных концепциях, но и на пропаганде, а пропаганда – это язык аллегорий, гипнотизирующий массы, язык мифологии и мифосюжетов»⁸⁰. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» присутствуют фактически все элементы социального мифа: в ней представлена картина мира, дана характеристика основ социальной справедливости, проведена связь с истоками национальной истории и культуры, намечены образы будущего, понимаемого как возвращение к истокам, осуждены пороки настоящего, проведена достаточно жесткая оппозиция между «мы» и «они» (образ союзника и образ врага).

Современный социальный миф, в отличие от древнего, может быть развит в рамках одного небольшого текста, практически не содержащего символики, а в основном состоящего из информационных сообщений, предполагающих определенные реакции, зачастую не связанные непосредственно с текстом и требующие определенного домысливания. «Если для разворачивания коммунистического мифа в России потребовалось не только тиражирование манифеста Маркса-Энгельса, но и целая политическая литература, то в современной России на сакральность может претендовать что-то типа брошюры в несколько десятков страниц»⁸¹.

Пространство мифа сегодня стало полностью земным, «при этом вера по отношению к утверждаемой ею свободе выбора оказалась в подчиненном положении – в положении избираемого – и, соответственно, стала объектом идеологии и политики»⁸². К сожалению, не избежал подобной участи и важнейший документ, принятый на юбилейном (2000 г.) Архиерейском соборе Русской православной церкви, «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Современная российская интеллигенция демонстрирует довольно широкий спектр оценок этого документа». Квинтэссенция консервативного восприятия концепции может быть выражена в следующих словах: «Одно то, что он готовился Синодальной комиссией более шести лет и к разработке тем было привлечено более восьмидесяти организаций, вызывает почтительное благоговение к нему и к его создателям»⁸³. Квинтэссенция либерального восприятия концепции может быть выражена в следующих словах: «Если, как сказал наш новый вождь, «Россия – это европейская страна с христианскими ценностями», то, видимо, нам придется, во-первых, самоопределиваться в мире без «византийских» политических претензий и, во-вторых, понять каким образом эти ценности, основанные на Писании и Предании, могут лечь в основу современной русской политической философии»⁸⁴.

Если исходить из того, что социальное учение Церкви должно быть нормативным, то акцентируемые в нем вероучительные истины должны стать социальными нормами. Могут ли стать таковыми содержащиеся в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» положения – покажет будущее.

⁷⁹ Савельев А. Политическая мифология и политическая технология // Москва. – 1998. - № 8. – С.165.

⁸⁰ Там же. – С.167.

⁸¹ Савельев А. Политическая мифология и политическая технология. // Москва. – 1998. - № 8. – С.161.

⁸² Гордеев К. Русь – Россия: идея, миф, вера. // Москва. – 1998. - № 8. – С.154.

⁸³ Епископ Новосибирский и Бердский Сергей. Мысли вслух о прошедшем юбилейном Архиерейском Соборе. // Церковь: шаг в новый век. – М., 2000. – С.46.

⁸⁴ Морозов А. «Новый курс» и Московская Патриархия. // НГ-религии. – 2000. – 9 августа.

Однако, у многих представителей современной российской интеллигенции (в том числе, и у автора этих строк) это вызывает большое сомнение.

Даже в среде консерваторов раздается критика в адрес православного социального учения в целом или отдельных его сторон. И это, во многом, неудивительно. Если российской разночинской (революционно-демократической, народнической, отчасти – социал-демократической) интеллигенции 19 – начала 20 вв. были свойственны в целом атеистическая идеология, но в то же время религиозная ментальность (религиозность с детства прививалась в семье⁸⁵), то представителям современной российской интеллигенции, напротив, в большинстве своем, свойственна внерелигиозная ментальность, даже при провозглашении себя верующим, религиозным человеком. Однако «внутреннего религиозного опыта такие люди не имеют...»⁸⁶ ибо «утрачена вера, которая невозможна без теологических усилий, без напряжения доктринальной мысли. Процесс поиска Бога не сопряжен для многих с глубинным духовным опытом»⁸⁷.

Известно, сколь огромна роль ментальных структур сознания, особенно если рассматривать такую социальную страту как интеллигенция. «И если в дореволюционные времена менталитет демократической интеллигенции сыграл одну из ведущих ролей в подготовке революции, то в нынешнее время он тем более может сыграть решающую роль в судьбах нашей страны»⁸⁸.

Думается, что поколение подлинно религиозной интеллигенции в России сможет появиться только тогда и в тех условиях, когда религиозность будет прививаться в семье и обществе с раннего детства и поддерживаться на протяжении всей жизни, имея огромную духовную силу. Тогда, вполне возможно, не будет необходимости делить российскую интеллигенцию на консерваторов и либералов, а оценки того или иного феномена, связанного с религией, будут совпадать в своих принципиальных позициях у разных представителей этой неоднородной общественной группы. Увы, к современной российской интеллигенции это не относится, ибо «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:26).

⁸⁵ На этот феномен обращают внимание некоторые современные авторы. Так, Л.Афонский пишет, что «русская рационалистически-антирелигиозная молодежь оставалась в глубине своего сознания в рамках православных традиций, даже бунтуя против них и жестко их отрицая» (Афонский Л. Интеллигенция и государство. // Москва. – 1998. - № 2. – С.153).

⁸⁶ Шрамко Александр, священник. Вера или идеология//Церковь: шаг в новый век. – М., 2000. – С.13.

⁸⁷ Гуревич П. Атеизм – опиум для народа?//Независимая газета. – 2001. – 16 марта.

⁸⁸ Моисеев Н. Вехи – 2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века//Дружба народов. – 1999. - № 3. – С.141.